

ГНОСЕОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ОПРАВДАТЕЛЬНОГО ПРИГОВОРА КАК МЕТОД ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПРЕДМЕТА СУДЕБНОГО ПОЗНАНИЯ

Давид Хачатурян

*Ассистент кафедры уголовного процесса и криминалистики ЕГУ,
кандидат юридических наук,*

*Эксперт по вопросам судебной власти и верховенства права, Проект ЕС
(e-mail: davit.khachaturyan.1975@gmail.com)*

---

1. Предисловие

В теории судебного познания выявление гносеологических основ принимаемых уголовно-процессуальных решений имеет определяющее значение. Такие вопросы, как: что является предметом судебного познания, может ли полученное знание как объект применения закона ретроактивным образом определять, что являлось предметом познания или же предмет познания неизменен безотносительно к его результату, чем процессуальное доказывание отличается от познания вообще и совпадают ли их объекты, субъекты и средства осуществления, каково взаимовлияние процесса и результата познания, и как на них влияют критерии доказывания и обналичивания значимой для принятия процессуальных решений действительности, и вообще – какова сама значимость действительности для суждения об истинности знания субъекта о ее наличии, как влияет на последнюю необходимость соблюдения познающим субъектом процессуальных норм объективации собственного внутреннего убеждения, или применима ли категория истинности к неокончательным процессуальным решениям, к решениям о применении мер пресечения, применимы ли степени вероятности истинности выводов субъектов уголовного процесса – одинаково к окончательным и неокончательным процессуальным решениям, соотношение категорий юридически значимого мнения и знания как промежуточных и окончательных результатов познания, вообще – является ли истина уголовно-процессуальной категорией, и если да – то в чем ее содержание как объекта познания – все это вопросы, без разрешения которых невозможно “интеллектуально-честное” регламентирование процессуальной деятельности. В первую очередь, такая невозможность особенно наглядна при законодательном закреплении уголовно-процессуальных гарантий таких принципов уголовного процесса, которые являются или, по крайней мере, должны являться познавательными убеждениями субъектов процессуальной действительности, а именно – презумпции невиновности, состязательности и права обвиняемого на защиту. Без недвусмысленного ответа на все перечисленные вопросы, указанные фундаментальные принципы уголовного процесса, та или иная степень гарантированности которых определяла и будет определять саму форму последнего, одно лишь их закрепление в законе (безотносительно к степени исчерпываемости нормативного определения их элементов), всегда будет сводиться к “легистическому фарисейству” или к “служению уст”.

В результате нерешенности проблематики гносеологических оснований уголовного процесса именно как познавательной деятельности достижения науки логики и уголовного процесса оказываются невостребованными практикой, десятилетиями (если не дольше) не меняются и безотносительно от формы уголовного процесса действуют одни и те же реальные механизмы принятия решений, в которых бремя доказывания ложится на судей путем их обязывания к познанию объективной действительности (как будто возможна иная действительность), и в которых основанием процессуальных решений, их критерием является внутреннее убеждение субъекта (как будто возможно убеждение внешнее), убеждение, которое вместо того, чтобы наряду со знанием (тоже интегральным феноменом сознания) *рассматриваться* в качестве процессуально еще не объективированного решения субъекта, *становится* тем “Прокрустовым ложем”, к которому примеряют и по-возможности “присобачивают” все возможные, в том числе и недопустимые доказательства (даже признав их недопустимыми, то есть, по американской поговорке – аннулировав звон “уже прозвучавшего в ушах судьи колокола”).

2. Единство предмета познания безотносительно к его результату

Основным предметом данной статьи, начинающей серию, посвященную указанной выше проблематике, является всего лишь одна конкретная проблема: гносеологические или познавательные основы оправдательных приговоров, проблема, которая включает ряд следующих вопросов:

а) Может и должен ли быть оправдательный приговор истинным ? и если да, то:

б) Что является критерием истинности оправдательного приговора, если его необходимость вытекает не из факта доказанности невиновности обвиняемого? и соответственно:

в) Что является предметом познания в судебном процессе, завершающегося оправдательным приговором, и различны ли предметы судебного познания, завершающегося обвинительным или оправдательными приговорами?

Скажем сразу, что мы не собираемся оспаривать требование о том, что судебное решение должно быть истинным, т.е. что выводы суда должны соответствовать действительности. Поскольку оправдательный приговор, как и любое другое процессуальное решение, должен быть истинным, т.е. соответствовать той действительности, при констатации которой необходимо его вынесение по закону, то констатируемая оправдательным приговором действительность гораздо уже ее традиционного восприятия (что на самом деле имело место), и заключается лишь в действительности факта недоказанности обвинения.¹ То есть, то, что на самом деле имело место, не является для суда объектом собственного исследования, а – лишь предметом доказывания со стороны обвинителя, а предметом судебного исследования является лишь действительность факта доказанности или недоказанности обвинения. Другое

¹ Сразу же заметим, что эту “процессуально значимую” или “узкую” действительность мы не считаем материальной или объективной, но не потому, что рассматриваем ее как “судебную”, а потому, что несудебной действительности или действительности за пределами ее уголовно-процессуальной формы нет по определению.

положение, выдвигаемое к защите в данной статье, это то, что действительность как объект применения закона и действительность как объект познания совпадают. То есть, если объектом применения закона судом, вынесения приговора является то, доказано ли обвинение или нет, то следовательно, предметом судебного познания является именно доказанность обвинения, а не то, что на самом деле произошло. А то, что произошло на самом деле – объект не судебного познания, а объект доказывания, бремя которого лежит на обвинителе. Предлагаемое нами содержание категории истинности целиком относится также к неокончательным уголовно-процессуальным решениям. Иными словами:

1. При вынесении оправдательного приговора за недоказанностью обвинения, у нас нет позитивного знания (как результата познания) о том, что данное лицо невиновно, а есть знание о недоказанности обвинения.

2. Если результатом судебного познания является знание о недоказанности или доказанности обвинения, то, следовательно, это и являлось предметом познания, приведшего к этому результату и им завершившегося.¹ Наличие действительности, т.е. наличие оснований для принятия того или иного решения, констатируется при помощи стандартов доказывания. Если стандарт, необходимый для вынесения данного решения, достигнут, то к фактам, установленным в соответствии с этим стандартом, можно и необходимо применить закон, принять решение. Следовательно, это решение будет истинным, а действительность – сделавшая это решение (а как сделавшая – это дело лишь стандартов доказанности) необходимым/возможным – наличной.

3. **Предмет судебного познания един безотносительно к его результату, и (ибо) конкретный результат не может его менять (ретроактивно).** То есть, нельзя сказать, что если был вынесен обвинительный приговор, то значит, исследовалась (ибо раскрылась) материальная действительность, а при вынесении оправдательного приговора – что исследовалась (ибо раскрылась) лишь недоказанность обвинения.

4. То же самое – и с результатом: нельзя сказать, что при вынесении обвинительного приговора выявляется **материальная истина** о виновности обвиняемого, а при вынесении оправдательного приговора – **судебная истина** о недоказанности обвинения.

5. Следовательно, истина, выявляемая как результат познания, имеет **единый** предмет/вопрос. А так как установление материальной истины о невиновности невозможно, то указанное необходимое единство обеспечивается подведением обоих результатов к общему знаменателю – предмету знания об основе оправдательного приговора, в силу чего единственным знанием как основой обвинительного приговора является обратное – доказанность обвинения. И, следовательно, единство судебного познания, его средств и результатов, достигается сужением предмета судебного познания от материальной действительности к действительности доказанности либо недоказанности обвинения. Одним из побочных последствий отсутствия такого

---

¹ Понятия “предмет” и “объект” познания здесь нами рассматриваются как тождественные – в их едином отношении к субъекту познания.

единства является практически не дискутируемая различная степень обоснованности обвинительного и оправдательного приговора.

6. Истинность результата познания, таким образом, опосредована той формой, в которой она может быть обначена, то есть – решением. Результат уголовно-процессуального познания, как познания научного, должен удовлетворять требованию непустоты, что и гарантируется тем, что он является объектом по определению инвариантного в предмете (то есть вид решения не меняет задним числом его предмет), инвариантного в силу соответствия его принципу исключенного третьего (который устраняет пустоту) и требованию необходимости признания истинным только одного из двух (которая является критерием правильности разрешаемого вопроса): доказано ли обвинение или нет.

Если вопрос поставить так: совершил ли обвиняемый данное преступление и решать его вне зависимости от попытки разрешения вопроса “доказано ли обвинение или нет” (вопроса, который удовлетворяет вышеуказанным логическим критериям), то двумя ответами на этом вопрос могут быть лишь – обвиняемый совершил преступление и обвиняемый не совершил преступление. Оба ответа, как дающие основание для принятия соответствующего решения, должны быть истинными, то есть выражать действительность. А так как факт несовершения преступления обвиняемым, нельзя признать знанием (так как он вообще не исследуется), то следовало бы признать, что оправдательный приговор на основании недоказанности обвинения – неистинен.

Предметом любого научного познания является вопрос, ответ на который подразумевает возможность одинаковой истинности (и проверяемости) противоположных ответов, т.е. их взаимоисключение (если конечно, это вопрос не риторический), и соответственно – результатом научного познания является лишь тот ответ на вопрос, который исключает ответ противоположный. **Так как, возможная истинность второго вопроса не доказывается, то можно сделать вывод, что в случае признания предметом процессуального исследования сам факт совершения или несовершения обвиняемым преступления, решение выражающее отрицательный ответ на него, по меньшей мере – не научно.**¹

Именно поэтому, в уголовном процессе США оправданный подсудимый называется не *НЕВИНОВНЫЙ* (innocent – невинный, невинный), а *НЕ-ВИНОВНЫЙ*

¹ Ю.А.Петров, “Методологические вопросы анализа научного знания”, М. 1977, с. 26: “Возможно построить и такой алгоритм, что вопрос о непустоте выбираемого алгоритмом множества предложений, образующего теорию, будет весьма нетривиальным. Поэтому в общем случае требование непустоты теории имеет смысл и при исследовании всех возможных теорий должно включаться в определение теории”, под которой понимается “правильное подмножество предложений”, которое называется “правильным, если только оно не пусто и не совпадает со всем этим множеством” (там же). Таким образом, вопрос, который подлежит разрешению в результате уголовно-процессуального познания (“главный вопрос”) можно, для применения к последнему как форме научного познания, определить как “задание алгоритма” (формы жизнедеятельности) судебного процесса. Если алгоритмом будет истина виновности/невиновности, то гносеологическое содержание оснований оправдательного приговора будет пусто. Если же алгоритмом будет истина доказанности/недоказанности виновности, то все члены подмножества будут удовлетворять требованию непустоты теории, т.е. содержательности всех правильных подмножеств.

(not guilty – не виновен, не признанный виновным).¹ Именно данная дихотомия и выражает интеллектуальную честность требований, предъявляемых к уголовно-процессуальным решениям. В самом деле, если мы, по определению, не знаем и решением не можем констатировать, что обвиняемый не совершал преступления, и в то же время хотим, чтобы любое наше решения было истинным, то как мы можем утверждать: во-первых, истинность того, что не исследовалось, и во-вторых- истинность того (невиновности), что не исключает обратное по определению (если обвиняемый оправдан на основании разумных сомнений, то это как минимум означает возможность и обратного. Ответ – сомнительно, что обвиняемый совершил преступление, не опровергает ответ – обвиняемый совершил преступление).

И если правильно то, что “познание во всех областях человеческого знания рассматривается как форма отражения и воспроизведения в человеческом мышлении действительности”², то решение об оправдании подсудимого за недоказанностью обвинения не может отражать действительность невиновности, следовательно, объектом отражения как познания является не сама действительность виновности, а факт ее доказанности или недоказанности обвинением. Неправильно, поэтому, считать, что «познание в уголовном процессе называется доказыванием».³

3. Различие объектов, субъектов и средств познания и доказывания

3.1. Анализ рассматриваемой проблематики был бы неполным без выявления соотношения функций доказывания и познания, осуществляемых, соответственно, обвинением и судом, без выяснения их природы, различения объектов и субъектов, а также процессуальных средств осуществления. Как известно, преобладающая точка зрения состоит в том, что “доказывание есть процесс познания истины по расследуемому и рассматриваемому судом уголовному делу”, для правильного разрешения которого найти по делу истину – объективную, материальную истину, т.е. установить в полном и точном соответствии с действительностью само событие преступления, виновность определенного лица в совершении этого преступления и все обстоятельства, определяющие степень ответственности этого лица за содеянное, или же убедиться в обратном, т.е. в том, что в действительности преступление не было совершено, привлеченное лицо не виновно”⁴, и что процесс доказывания в уголовном судопроизводстве и процесс познания истины тождественны⁵. Мы не согласны с утверждением, что “познание обстоятельств совершенного преступления может осуществляться только с помощью средств, указанных в

¹ Надо сказать, что и в советской литературе, в частности, проф. Строговичем, указывается, что найти объективную, материальную истину значит... установить ... виновность определенного ..., или же убедиться в обратном, т.е. в том... привлеченное лицо не виновно” (а не – невиновно или невинно), М.С.Строгович, “Курс советского уголовного процесса”, т. 1, М. 1968, с. 295.

² Философский словарь, под. ред. М. М. Розенталя и П. Ф. Юдина. М., 1965. с. 351

³ Доказывание как процесс познания. Цель доказывания в уголовном судопроизводстве”, <http://studopedia.org/9-210496.html>

⁴ М.С.Строгович, “Курс советского уголовного процесса”, т. 1, М. 1968, с. 295.

⁵ Там же, с. 296.

законе и называемых доказательствами”.¹ Вместе с тем, в преобладающей интерпретации того принципа, что “обязанность доказывания виновности обвиняемого лежит на обвинителе”, основным его содержанием представляется то, что “на обвиняемом не лежит обязанность доказывать свою невиновность”. Содержание же этого принципа для суда не рассматривается в качестве нормы поведения для субъекта, разрешающего дело, то есть – оценивающего то, насколько субъект бремени доказывания справился со своей процессуальной обязанностью не рассматривается. Причиной этого указывается то, что доказывание как процесс познания и доказывание и обоснование обвинительного тезиса – два разных понятия, где первое более широко по содержанию², и только последняя форма доказывания ложится лишь на обвинителя. На наш взгляд, именно данная гносеологическая предпосылка и оправдывает обвинительный уклон судейского познания как основы процесса принятия решений, так как **обвинитель доказывание своего тезиса о виновности производит исключительно доказывая объект доказывания в широком смысле этого слова, т.е. – тот же самый объект, который устанавливается и судом. Вследствие этого неизбежно результаты доказывания судом в широком смысле обосновывают объект доказывания в узком смысле.**

3.2. Следование преобладающему постулату материальной истины приводит к обвинительному уклону как самого процесса судебного познания, так и актов, обналичивающих его результат. Так, опровержение обвинения может происходить не только с помощью обоснования каких-либо позитивных утверждений (например – о наличии алиби), но и путем выдвижения сомнений не только по отдельным доказательствам обвинения, но и достаточности их совокупности для признания вины. Доказательства – это по закону доказательства обвинения, ибо признано, что сторона защиты может вообще не предоставлять таковых. Далее, отождествление в лице доказательств процессуальных средств познания и доказывания налагает на защиту, как участницу познавательного процесса обязанность предъявлять какие-то доказательства. **Иными словами, со стороны защиты судебного доказывания может не происходить вообще, так как участие защитника в доказывании “это его право, что отличает его от других участников”³. И это не значит, что судебное познание исчерпывается лишь теми средствами, которыми оперирует сторона обвинения.**⁴ Далее, различна сама природа юридически значимых средств

¹ <http://studopedia.org/9-210496.html>

² М.С.Строгович, Курс советского уголовного процесса, т. 1, М., 1968, с. 354-355

³ О.А.Голованова, “Адвокатское познание по уголовному делу”, тема диссертации автореферата по ВАК 12.00.09, кандидат юридических наук, Нижний Новгород, 2008, <http://www.dissercat.com/content/advokatskoe-poznanie-po-ugolovnomu-delu>

⁴ Именно здесь, на наш взгляд, кроются гносеологические корни различия в процессуальных средствах доказывания, и затем – познания, которые традиционно внедрены между обвинением и защитой, в числе которых самым важным является дифференциация уголовно-процессуальной формы собирания доказательств, самым очевидным примером которого, в свою очередь, является назначение экспертизы (заключение которой является доказательством) следователем, и привлечение специалиста (заключение которого является всего лишь мнением) стороной защиты, которая должна ходатайствовать тому же следователю, чтобы такое же заключение

познания, выдвигаемых защитой. Например, если сторона обвинения может осуществлять доказывание только лишь с помощью способов, предусмотренных процессуальной формой, то **“доказывание”, осуществляемое защитой, происходит также и в формах, не предусмотренных, но и не запрещенных законом.** Иными словами, результаты применения процессуальных средств познания в случае с обвинителем, могут быть признаны недопустимыми, а та же самая деятельность адвоката – нет. Все это, конечно, имеет смысл утверждать, если не исходить из того, что субъекты доказывания и познания идентичны, а доказательства, как таковые, могут быть получены лишь стороной обвинения.

3.3. Аналогично, как было указано выше, обстоит дело не только с получением и природой отдельных доказательств, но также и с их

(которое имело бы такой же статус для суда) было назначено и для постановки и разрешения вопросов защиты, и следователь удовлетворяет указанное ходатайство именно с точки зрения его необходимости для познания истины, т.е. – исходя из того, можно ли в результате познания средством, о котором ходатайствует защита, обрести знание. Согласно статистическому исследованию, проведенному в Украине, результаты которых можно свободно экстраполировать на Армению, хотя бы в части расследования по делам о плохом обращении (см. www.hcav.am) из 75 опрошенных защитников только 53% заявляют ходатайства, направленные на собирание доказательств, 83% всегда ощущают предвзятое отношение следователей к заявленным ходатайствам, а из изученных 100 уголовных дел было удовлетворено лишь 15% таких ходатайств (Г.И.Алейников, “Теоретические и практические вопросы деятельности защитника по собиранию доказательств в стадии досудебного следствия по законодательству Украины и России”, тема диссертации автореферата по ВАК 12.00.09, М. 2004, с. 29). Иными словами, процессуальные средства доказывания, применяемые и данные следователю, которые затем прокурор использует в суде, имеют презумпцию если не знания, то во всяком случае – процессуальных средств к его достижению. Отсюда – и проблема замещения презумпции невиновности презумпцией достоверности материалов или результатов предварительного следствия (Г.М.Резник: “Правила жизни”, <http://pravo.ru/story/view/83178/>, июль, 2012), ведь они, основаны на доказательствах, каковая презумпция на самом деле, налагает на защиту обязанность доказывания невиновности подсудимого. (“Потому что отрицательные факты вообще не поддаются, за редким исключением, положительному доказыванию. Можно доказать, что человек что-то совершил, а попробуй докажи, что он чего-то не совершал”, - там же). Еще хуже, хотя интеллектуально более последовательна, ситуация с заключением судебно-медицинского эксперта. А именно, если к указанному гносеологическому неравенству средств обвинения и защиты добавить, что некоторые доказательства (причина и степень телесных повреждений и причина смерти) могут быть зафиксированы “только **после получения результатов** судебно-медицинской экспертизы” (ст. 108 УПК, что в судебной практике еще последовательней трактуется как – **“на основании”** результатов последней), а также то обстоятельство, что результаты допроса судебного эксперта в суде (который, кстати, согласно статье 6.3. (в) в интерпретации Европейского суда, является свидетелем против обвиняемого, которого тот имеет право подвергнуть эффективному конфронтационному у допросу), не могут заменить письменное заключение эксперта (ст. 114, ч. 3 УПК), то все станет “на свои места”. И еще, не является ли понятие “досудебных/следственных доказательств” оксюмороном (вроде “деревянного железа”), если сама допустимость их (а значит и наличие как таковых) может быть установлена только судом. “Данные, полученные сторонами на стадии досудебного производства, в равной степени должны признаваться только предварительным фактическим материалом, а судебными доказательствами они могут стать только при представлении их суду, главным образом, из первоисточника” (О.А.Голованова, “Адвокатское познание по уголовному делу”, указ. соч., с. 6.

совокупностью. Познание и доказывание не могут быть идентичны уже потому, что результат доказывания еще не может являться сам по себе полученным знанием (фактом-объектом, к которому можно-должно применить закон). Для того, чтобы закон был применен к результату доказывания, необходима констатация достаточности совокупности доказательств – не просто другим субъектом (в данном случае судом – который может вынести обвинительный приговор, или принять решение об удовлетворении ходатайства о применении заключения под стражу), но субъектом, который должен применить определенное мерило такой достаточности. Это мерило – называется стандарт доказывания, вкратце представляемый ниже, но что важно для рассматриваемого предмета – это то, что субъекты доказывания и познания не совпадают именно потому, что субъект познания должен дать оценку достаточности результатов **уже завершившегося доказывания** для принятия **собственного** решения по делу. То есть, по завершении доказывания познание еще не завершено – должно быть принято решение о том, достигнуто ли в результате доказывания то, что можно констатировать как знание, т.е. соответствует ли результат доказывания тому порогу, который необходимо должен быть преодолен для принятия данного решения субъектом познания. Степень требуемого стандарта зависит от того, насколько сильное вмешательство в материальные права обвиняемого подразумевает ходатайствуемое решение, например: решение о разрешении на заключения под стражу должно соответствовать стандарту вероятной причины (*probable cause*, которая иногда неправильно переводится как разумное сомнение, хотя последнее – предмет, а не критерий/стандарт доказывания). Для обвинительного приговора же существует более высокий, а именно – самый высокий стандарт – доказанность вне разумных сомнений.

3.4. В основе данных стандартов лежит разумный наблюдатель (т.е. наличны ли основания, которые могли бы убедить разумного наблюдателя в виновности обвиняемого или (для санкции) причастности к преступлению). Именно разумный наблюдатель является отражением основополагающей европейской традиции в уголовном процессе, выраженной еще Пифагором: «Человек – есть мера всех вещей, существующих, что они существуют, и не существующих, что они не существуют». Причастность, виновность – объекты доказывания (требуемые, соответственно, для применения меры пресечения и вынесения обвинительного приговора) – результат деятельности субъекта доказывания, для последнего являются истинными, но поскольку субъект доказывания – лишь сторона в деле/вопросе, **это всего лишь его мнение, а не знание**, которое может быть положено субъектом познания в основу принимаемого им решения, констатация которым мнения как знания целиком зависит от указанных выше стандартов. И не важно, насколько убежден субъект доказывания в своей правоте, ибо как указал Европейский суд в деле Степулак против Молдавии, искренность – **не означает истинности убеждения**.¹ Как говорят

¹ А именно: “Уже признано, что даже добросовестное (*bona fide*) или искреннее сомнение следственного органа не обязательно должно удовлетворять объективного наблюдателя насчет разумности этого сомнения”. Решение ЕСПЧ по делу Степулак против Молдовы, 6 ноября, 2007г., п. 76

философы, одни люди добывают знания, а другие — знания о знаниях.¹

3.5. И наконец, следует признать, что истинными, **законными решения субъекта познания могут быть и в том случае, если в основе их нет доказательств как таковых** (если, конечно не исходить из того, что процессуальное познание и доказывание проводятся только по главному вопросу процесса (вины), и только лишь – в его судебной стадии), однако – есть совокупность обстоятельств и фактов, которые могут убедить разумного наблюдателя, например, в причастности обвиняемого к совершению преступления (для дачи разрешения на заключение под стражу), или например – в том, что в его доме могут быть орудия и т.п. преступления (для дачи разрешения на обыск). Европейский суд однозначно выразил позицию, согласно которой **“критерий разумного сомнения основывается на наличии фактов либо сведений, которые разумному наблюдателю дали бы возможность заключить, что данное лицо, возможно, совершало преступление. Однако, не обязательно, чтобы факты, обосновывающие сомнение, удовлетворяли бы тому же порогу, который необходим для ... обоснования осуждения, ибо таковые факты могут быть обнаружены позднее – в течение процесса рассмотрения уголовного дела”**.²

И Кассационный суд РА в своем прецедентном решении по делу Ваграма Геворгяна от 24.02.2011, указал следующее: “для лишения лица его свободы необходимо основательное сомнение о том, что он совершил правонарушение, и это сомнение должно быть разумным. Сомнение может считаться основательным только в том случае, если официальное лицо – следователь или прокурор, ходатайствующее о применении к лицу заключения под стражу в качестве меры пресечения, представит **сведения, факты или доказательства действий (бездействия) совершенных подозреваемым лицом, которые бы прямо указывали на его причастность к инкриминируемому ему предполагаемому преступлению...**”.³

Далее, довольно большое число решений, которым мы не может отказать в праве на истинность, т.е. законность, например, то же решение об удовлетворении ходатайства о применении заключения под стражу в качестве меры пресечения, **вообще не могут иметь доказательств в своей основе – как средств отражения “материальной” действительности.** Например, характерной общей чертой всех оснований для принятия решения об удовлетворении указанного ходатайства вообще, и для применения любых других мер пресечения самим следователем – в частности, является **возможная в будущем неправомерная деятельность обвиняемого**, как то: возможность совершения им преступления, возможность оказывания им давления на свидетелей, возможность воспрепятствования следствию и суду, и т.д. Таким образом, не может быть отражения, в том числе – и с помощью процессуальных средств доказывания еще не существующей реальности. А так как решение должно быть истинным, то есть отражать действительность – то **отражаемая и познаваемая действительность, как и в случае всех любых процессуальных решений – это ответ**

¹ Цит. по: О.А.Голованова, “Адвокатское познание по уголовному делу”, указ. соч., с. 6, *Спиркин А. Г. Философия: учебник, М., 2000. С. 416*

² Решение ЕСПЧ по делу К.-Ф против Германии (*К.-F. v. GERMANY*), от 27.11.1997, п. 57.

³ Решение Кассационного Суда РА по делу Ваграма Геворгяна от 24.02.2011, пп.. 20-21.

на вопрос, доказан ли тезис необходимости (должности-возможности) ходатайствуемого решения (санкция или обвинительный приговор).

То есть, совокупность (объективных) материалов, на основании которых принимается истинное (законное решение), не исчерпывается доказательствами.

3.6. При принятии указанных решений, судья руководствуется оценкой **конкретной совокупности** обстоятельств и фактов, данной в том числе и на основе факторов, выходящих за пределы данной совокупности, а именно: собственного опыта, практики и др.: “Извлечение мотивацией определенного жизненного опыта (с коррекцией внешней обстановкой) и приводит к принятию именно этого, а не иного решения, т.е. само принятие решения опосредовано очень сложным процессом “примерки” жизненного опыта к данной ситуации”.¹ То есть, **объективного материала всегда недостаточно для принятия решения субъектом познания/принятия решения, и следовательно, правильность решения не всегда зависит только лишь от материала, которым оперирует субъект принятия решения, но также и в равной мере – от информационного опыта судьи, который извлекается им мотивацией принятия правильного решения.** К данному тезису возможно возражение о том, что включение недоказательственного и даже не объективного материала может привести к субъективности принимаемых решений. Объективность решения гарантируется, однако, прежде всего тем, что определяющим мотивацию принятия решения является принятие именно необходимого, законного решения, которое будет удовлетворять стандарту доказывания, соответствующему данному решению (который, вытекает из степени государственного вмешательства). Далее, “субъективное объективно, объективное же субъективно”.² Чтобы не вдаваться в обсуждение всех тонкостей проблематики данного укоренившегося противопоставления, в основе которого лежит то, что объективным считается то, что существует независимо от субъективного сознания, и то, что не искажено предвзятостью субъекта³, заметим лишь, что неправильно было бы думать, что субъект может подвергнуть своей субъективной оценке лишь значимость объективно-существующих фактов. Наоборот – **само их существование обналичивается**, выбирается субъектом именно в качестве возможного, и далее – значимого-реального предмета его субъективной оценки, т.е. – не только совокупность доказательственного, фактического материала оценивается субъектом как порождающая необходимость данного решения, но также и тем же самым субъектом и даже – одновременно с этим и не менее субъективно оценивается необходимость/наличие каждого факта к “участию” в данной совокупности. Иными словами, объекты видятся, распознаются и познаются, “создаются” субъектом только как основания его решения, т.е. **тоже выбираются как значимые единой мотивацией принятия правильного решения.**

3.7. Таким образом, истинными и законными должны быть все решения суда и вообще все процессуальные решения. И истинность этих решений зависит

¹ П.К.Анохин, “Проблема принятия решения в психологии и физиологии”, в кн. “Проблемы принятия решения”, М. 1976, с. 9

² Н.А.Бердяев, “Самопознание”, <http://www.klex.ru/282>, с. 47.

³ Новая философская энциклопедия, “Объективное”, <http://iph.ras.ru/elib/2153.html>

не от того, что имело место, а от того, является ли результат доказательственной деятельности субъекта доказывания соответствующим стандарту доказывания, необходимого для принятия данного решения. Т.е. истинность решений досудебного контроля зависит не от отражения материальной действительности (что как факт иногда игнорируется, и судьи и прокуроры стараются выявить вину во время принятий таких решений), а от отражения факта достаточности/недостаточности совокупности обстоятельств, выдвинутых доказывающей стороной как необходимых для данного решения. Иными словами, истинность решения – есть правильность вывода о наличии/отсутствии необходимости принятия именно данного решения, т.е. об удовлетворенности/неудовлетворенности стандарта доказывания, предъявляемого к данному виду решения. **Любой иной вывод может быть основан лишь на том допущении, что одни процессуальные решения должны быть истинными, а следовательно – законными, а другие – нет. Но познание необходимо для принятия решения по делу именно как решения о доказанности необходимости решения, а критерием истинности является, как и всегда, соответствие доказательному стандарту.**

3.8. **Промежуточное заключение:** если подсудимый оправдан на основании разумных сомнений в его невиновности, то следовательно результатом судебного исследования стало **знание** о наличии таких сомнений. Научным результатом, таким образом, стала недоказанность обвинения. А если она как ответ стала результатом процесса познания, то и вопрос, как объект познания/исследования, заключался в доказанности либо недоказанности обвинения.

3.9. Исходя из вышесказанного, трудно согласиться с тем общеизвестным подходом, что в действительности любое обстоятельство, подлежащее познанию в уголовном судопроизводстве, входит в предмет доказывания по делу и, наоборот, всякое обстоятельство, относящееся к предмету процессуального (если угодно криминалистического) доказывания, должно быть познано и удостоверено органами расследования (судом) в предусмотренном законом порядке, так как с гносеологической точки зрения доказывание есть разновидность опосредствованного познания и не может иметь предмет, отличный от предмета такого познания.¹ Исходя из второго определения доказывания как тезиса, мы считаем, что доказывание происходит тогда, когда субъект принятия решения, необходимость которого доказывается отличен от субъекта доказывания. То есть, сторона, которая осуществила/завершила свое познание, пришла к определенному выводу (мнению), правильность (всеобщность и необходимость) которого (т.е. его бытие знанием) она **доказывает перед другим субъектом**. Если же субъект решения, например, о привлечении в качестве обвиняемого, или о возбуждении ходатайства к суду для применения заключения под стражу в качестве меры пресечения, никому ничего не доказывает, а сам применяет решение, основываясь на результате своего познания, то это субъект познания, а не доказывания. Законом прямо

---

¹ Цит. по: А.В.Шмонин, К вопросу о понятии предмета доказывания, с. 3, <http://www.iuaj.net/lib/konf-MASP/shmonin.htm>

презюмируется, что решения принимаются на основании **знаний** (результатов познания) о действительности, а если на основании результата познания нельзя применить закон, то это – всего лишь **мнение** данного субъекта познания (обвинителя), правильность которого он должен доказать субъекту принятия решения. Истинность решений, таким образом целиком привязана к возможности (необходимости) их принятия и к субъекту, который ее оценивает – в том числе – на основании вышеуказанного материала и в первую очередь – исходя из требуемого стандарта доказывания, удовлетворение которого делает решение необходимым, а знание – презюмирует достигнутым.

Таким образом, основное отличие субъектов доказывания и познания состоит в том, что субъект познания – лицо, принимающее решение, а субъект доказывания – лицо, обосновывающее перед ним необходимость того решения, которое, по его **мнению**, необходимо принять по закону. То обстоятельство, что субъект познания, например, следователь **решения** принимает лишь на основе доказательств, является следствием не того, что он осуществляет доказательственную деятельность, а следствием того, что по закону решения могут приниматься им лишь на основе доказательств. На самом деле, решения субъектом познания могут приниматься и на основании отсутствия доказательств, в частности, при принятии решений, оправдывающих обвиняемого (ст. 35 и ст. 66 УПК РА).

3.10. Поскольку правильно то, что в предмет доказывания входят обстоятельства, подлежащие доказыванию по уголовному делу¹, то предмет доказывания и предмет судебного познания не могут совпадать еще и потому, что сторона защиты, даже если она придерживается тактики позитивной защиты (affirmative defence, т. е. выдвижение и доказывание позитивного антитезиса к обвинению, в отличие от выдвижения сомнений в правильности тезиса обвинения) не осуществляет доказывания, хотя и участвует в процессе познания. **Иными словами, совпадение предметов доказывания и познания неизбежно влечет к совпадению задач/функций субъектов, осуществляющих различные функции, а именно – обвинения и суда, “неинтересности” адвокатского познания для вышеуказанной мотивации, что противоречит принципу состязательности.** Наиболее четко данный подход был выражен еще Вышинским: “Особенностью советской системы доказывания является то обстоятельство, что не только стороны – истец, ответчик, вступивший в дело прокурор или привлеченное к участию в деле так называемое третье лицо – обязаны представлять суду в подтверждение своих требований доказательства, но в известных случаях эта обязанность лежит также и на самом суде.”² Как видим, места для защитника в таком познании нет, и очевидно, что здесь речь идет о доказывании в его втором смысле – как доказывании обвинительного тезиса, а не о самом познании, которая как обязанность лежит на суде лишь “в известных случаях”. **Применительно к данному подходу единственным соображением, не противоречащим принципу состязательности, является то, что отождествление**

¹ А.Б.Соловьев, “Доказывание в досудебных стадиях уголовного процесса. Научно-практическое пособие”, М., 2002, с. 41

² А.Я.Вышинский, “Теория судебных доказательств в советском праве”, М., 1950, с. 247.

доказывания и судебного познания неизбежно ведет к исключению стороны защиты из познавательного процесса и легитимности познания лишь при условии возможной и реальной способности его результатов удостоверить правильность доказываемого тезиса.

3.11. И наконец, совпадение предметов доказывания и познания в суде неизбежно влечет однородность функций обвинения и принятия решения, что **неотвратимым образом нарушает право на защиту и презумпцию невиновности**. В частности, если предметом познания является то, что в действительности имело место, а не то, доказала ли сторона обвинения истинность своего мнения о том, что в действительности имело место (“знание о знании”), то разумеется, что если сторона обвинения не может доказать обстоятельства, подлежащие доказыванию по уголовному делу, то **суд, тоже как субъект доказывания, должен продолжать доказывать эти обстоятельства**. Данное обстоятельство, налагаемое на суд его обязанностью всестороннего, полного и объективного рассмотрения дела (обязанностью приемлемой, если подходить к суду как к субъекту познания действительности, ограниченной рамками ответа на вопрос о доказанности обвинения обвинителем, а не как к субъекту доказывания), приводит к очень часто, если не всегда встречающемуся восполнению пробелов во внутреннем убеждении судьи, необходимых для принятия им решения, **что всегда во вред подсудимого**. Может быть возражение, что интерпретируемая таким образом судебная активность может повлечь выяснение обстоятельств, указывающих на невиновность подсудимого или на его виновность в совершении менее тяжкого преступления, однако, если учитывать требование закона о том, что **разумные сомнения всегда должны интерпретироваться в пользу подсудимого** (а наличие таковых у судьи по определению презюмирует их разумность), то понятно, что продолжение судом поиска истины, отличное от того и довершающее для констатации знания, необходимого для принятия решения, то, что уже сделано обвинением, есть простое невыполнение указанного требования презумпции невиновности. Подсудимый имеет право на то, чтобы оставшиеся после осуществления своей доказательственной деятельности обвинителем сомнения были истолкованы в его пользу, т.е. – право на оправдательный приговор, с того момента, когда обвинитель закончил свое доказывание. То есть, нарушением презумпции невиновности является не сам результат такого нарушения, а сама **возможность** ухудшения ситуации для подсудимого с того момента, когда обвиняемый не справился с обоснованием вне разумного сомнения своего обвинительного тезиса.

3.12. Могут быть отдельные возражения насчет необходимости ограничения вышеуказанной судебской активности для констатации факта наличия необходимости переквалификации содеянного на менее тяжкое преступление, но данное возражение также неприемлемо со следующих позиций:

1. Рассмотрение дела в суде проводится только по тому обвинению, по которому оно поступило в суд и доказанность или недоказанность которого является предметом судебного познания.

2. Даже если признать, что обвинение – это не только лежащие в основе обвинения доказываемые факты, но и его квалификация (а о назначении наказания не стоит уже и говорить), это ни в коей мере не означает, что судья

должен сам доказывать и устанавливать эти факты во время судебного рассмотрения/познания. Если в результате судебного следствия у суда возникает убеждение, что доказанные обвинителем и только обвинителем факты свидетельствуют о наличии необходимости в признании подсудимого виновным по менее тяжкой статье УК, то судья может легко переqualифицировать деяние в обвинительном приговоре – при соблюдении нижеследующих условий, а именно:

а) Менее тяжкое преступление по всей совокупности доказанных фактов целиком включается в состав более тяжкого преступления (например, вместо убийства в корыстных целях – простое убийство). В США, данная категория менее тяжких преступлений называется '*lesser included offence*' (т.е. дословно – меньшее включенное преступление).¹

б) **Каждый юридически значимый факт** из вышеуказанной включаемой совокупности должен быть исследован в соответствии со всеми требованиями права на защиту, и других гарантий, в частности – недопустимости так называемого “скрытого” возвращения дела на доследование, и презумпции невиновности – включая наложенность бремени доказывания вины исключительно на обвинителя и вытекающее из презумпции невиновности право подсудимого на невыполнение судом несвойственных ему функций.

Только в этих случаях право на менее тяжкий обвинительный приговор может мириться с правом на презумпцию невиновности и правом на состязательный суд. В остальных случаях судья должен оправдать подсудимого. Закон, и в частности, один из основных элементов презумпции невиновности, четко признает нетождественность субъектов, а значит, процессов, и наконец - предметов уголовно-процессуальных: доказывания и познания, закрепляя, что обязанность доказывания лежит на обвинителе. Любые другие попытки нахождения тождественности между указанными феноменами могут быть основаны лишь на признании того, что продолжение судебного познания, а значит – и доказывания судом, форма осуществления не обязанности, а права судьи, что, конечно, целиком противоречило бы методу правового регулирования.

4. Стандарты доказывания

4.1. Поскольку, уголовно-процессуальное познание и доказывание – процессы научные, то к принятию решений или доказыванию должны применяться законы логики. Закон достаточного основания, который был открыт Лейбницем, гласит, что “ни одно явление не может оказаться истинным или действительным, ни одно утверждение справедливым – без достаточного основания, почему именно дело обстоит так, а не иначе, хотя эти основания в большинстве случаев вовсе не могут быть нам известны”², т.е. – всякое положение для того, чтобы считаться вполне достоверным, должно быть доказанным, т. е. должны быть известны достаточные основания, в силу которых

¹ В уголовном праве США – преступление, все элементы которого, каковые необходимы для привлечения к ответственности, одновременно являются элементами более тяжкого преступления.

² Лейбниц, “Монадология”, Антология мировой философии в четырёх томах, М., 1970, т. 2, с. 776

оно считается истинным, любая действительная мысль – достаточно обоснована¹ (от лат. *ratio sufficiens`* принцип разумной обоснованности). Иными словами, истинно то, что является обоснованным в соответствии с определенными стандартами. Такими стандартами в уголовном процессе являются стандарты доказывания, в основе которых, как было указано выше, лежит концепция человека как меры всех вещей вообще, и разумного наблюдателя – как меры доказанности/существования всех вещей в частности.

4.2. Далее, судебное познание главного вопроса (виновности) имеет исторический характер, то есть познается не в реальном режиме, в случае чего «познающий субъект» был бы просто субъектом **воспринимающим**, т.е. свидетелем, а в **воссоздающем** опыте. Последние научные данные позволяют сказать, что на самом деле познающий субъект делает прошлое определенным. А именно: “Прошлое – это вероятность”. По словам Стивена Хокинга, одно из следствий теории квантовой механики заключается в том, что события, произошедшие в прошлом, не происходили каким-то определенным образом. Вместо этого они произошли всеми возможными способами. Это связано с вероятностным характером вещества и энергии согласно квантовой механике: до тех пор, пока не найдется сторонний наблюдатель, все будет парить в неопределенности.²

4.3. Указанные достижения науки логики должны быть целиком востребованы процессуальным познанием, что на самом деле как раз и способствует действенной реализации принципа на состязательность в международном праве и в странах чистой (назовем - честной) состязательности. И весьма правильно в этом отношении стоит вопрос: если мы готовы принять международный опыт в уголовном праве, то почему остался без внимания вопрос некоего стандарта доказывания?³ Несмотря на наличие решений Кассационного суда РА, данная проблематика – особенно в сопоставлении с общенаучными законами познания, требует большой работы, особенно если учесть, что внедрение стандартов предусмотрено проектом нового УПК РА – как на уровне регламентации достаточности разумных оснований для принятия конкретных решений, так и на уровне принципа уголовного процесса (ст. 22 – “Надлежащее доказывание”):

4.3.1. Ст. 201, ч. 1: Если следователь, оценив все доказательства, собранные во время досудебного производства, приходит к выводу, что осуждение обвиняемого компетентным судом за совершение инкриминируемого деяния, наиболее возможно, то он принимает решение об окончании предварительного следствия, ... и одновременно начинает составление обвинительного заключения.

4.3.2. Ст. 22, ч. 3: Каждое обстоятельство, составляющее обвинение, должно быть обосновано таким объемом доказательств, который бы исключал любое основательное подозрение в его доказанности.

¹ Михалкин Н. В., “Логика и аргументация в судебной практике”, М., 2000, с. 101

² Стивен Хокинг, “Прошлое — это вероятность”, <http://econet.ru/articles/67818-stiven-hoking-proshloe-eto-veroyatnost>, 14 июня 2016г.

³ Д.В. Кирплюк, ““Вне разумного Сомнения”, Стандарт доказательства вины в Украине”, <http://guideinlaw.com/index.php/ru/materialy/stati/27-reasonable-doubt>

4.3.3. Ст. 22, ч. 7: Каждое обстоятельство, которое имеет значение для уголовного производства, должно быть подтверждено достаточной совокупностью надлежащих доказательств.

Без развития стабильной судебной практики, в которой бы устоялись стандарты доказывания, система уголовного правосудия РА по уголовным делам всегда, в тщетных попытках нахождения материальной истины, будет стремиться к получению признательных показаний. “Высокое слово “истина”, которое, по словам старика Гегеля, заставляет шире вздыматься грудь, используют для того, чтоб практически закопать справедливость правосудия. А справедливость правосудия беспристрастного суда, который сам ничего не ищет, в том, что он составляет определенные представления на основе состязания двух сторон. Потому что никакой такой истины в уголовном процессе нет. У нас есть конкретный человек, который сидит на скамье подсудимых. И вопрос ставится не так: “Кто совершил?”, вопрос ставится такой: “Он, которого уже арестовали, который уже под стражей и томится там уже месяцы и годы, он виновен или не виновен?”¹ Предложение ввести в наш уголовный процесс, состязательный процесс понятие истины и возложить ее поиски на суд будет окончательно устранять всякую беспристрастность и объективность правосудия.²

В следующей статье мы обстоятельно исследуем стандарты доказывания – необходимые для принятия уголовно-процессуальных решений.

GNOSIOLOGICAL GROUNDS OF THE ACQUITTAL JUDGMENT AS THE METHOD OF DETERMINATION OF THE OBJECT OF JUDICIAL COGNITION

Davit Khachatryan

*Justice and Rule of Law Expert, EU project,
Assistant at the YSU Chair of Criminal Procedure and Criminalistics,
Candidate of Laws (e-mail: davit.khachatryan.1975@gmail.com)*

The author seeks to substantiate the difference between examines the objects, the subjects and the procedural tools of proving as conducted by the prosecutor, and of cognition as conducted by the court, in a result of which the author comes to the conclusion of the necessity of replacing the concept of the “objective truth” by the standards of proof. According to the author, the object of the judicial cognition is not the objective reality, but the reality of the fact of whether the prosecutor has proven the charges or not. These theoretical analysis has practical implications as well, since the suggested concept of the subject of judicial cognition precludes the judges from going on with proving the reality, when the prosecutor fails to comply with the burden of proof, thus acting always to the detriment of the defense.

¹ Г.М.Резник, “О справедливости”, открытая лекция, <http://open-lecture.ru/lectures/reznik>

² Там же.

ԱՐԴԱՐԱՑՄԱՆ ԴԱՏԱԿՃՈՒ ԻՄԱՑԱԲԱՆԱԿԱՆ ՀԻՄՔԵՐԸ՝ ՈՐՊԵՍ ԴԱՏԱԿԱՆ ՃԱՆԱԶՄԱՆ ՕԲՅԵԿՏԻ ՍԱՀՄԱՆՄԱՆ ՄԵԹՈԴ

Դավիթ Խաչատրյան

Դատական իշխանության և իրավունքի գերակայության հարցերով փորձագետ, ԵՄ ծրագիր, ԵՊՀ քրեական դատավարության և կրիմինալիստիկայի ամբիոնի ասիստենտ, իրավաբանական գիտությունների թեկնածու (e-mail: davit.khachaturyan.1975@gmail.com)

Հոդվածում փորձ է արվում հիմնավորել մեղադրողի կողմից իրականացվող ապացուցման և դատարանի կողմից իրականացվող ճանաչման գործընթացների, դրանց առարկաների, սուբյեկտների և իրականացման դատավարական միջոցների տարբերությունը, որի արդյունքում հեղինակը գալիս է «օբյեկտիվ ճշմարտության» հասկացությունը ապացուցման չափորոշիչներով փոխարինելու անհրաժեշտության մասին եզրահանգման: Ըստ հեղինակի, մեղքի հարցով դատական ճանաչողության ճանաչման առարկան հանդիսանում է ոչ թե օբյեկտիվ իրականությունը, այլ մեղադրողի կողմից դրա ապացուցված լինելու կամ չլինելու փաստի իրողությունը: Այս տեսական վերլուծությունն ունի նաև գործնական հետևանքներ, քանի որ դատական ճանաչողության առաջարկվող առարկան դատավորներին գերծ է պահում դատական ճանաչողությունը շարունակելուց այն դեպքերում, երբ մեղադրող կողմը չի կատարում մեղադրանքի ապացուցման իր պարտականությունը, այսինքն՝ ամեն դեպքում ի վնաս մեղադրյալի գործելուց:

Բանալի բառեր – *դատական ճանաչողություն, ճշմարտություն, ապացուցման չափորոշիչ, անմեղության կանխավարկած, ապացուցման պարտականություն, ապացուցում և ճանաչողություն, ճանաչման գործընթացի և արդյունքի առարկայի միասնություն*

Ключевые слова – *судебное познание, истина, стандарт доказывания, презумпция невиновности, бремя доказывания, доказывание и познание, единство предмета процесса и результата познания*

Keywords – *judicial cognition, the truth, standard of proof, presumption of innocence, burden of proof, cognition and proving, unity of the subject of the process and result of cognition*